

Д. Н. АЛЬШИЦ

Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый?

В трудах Лондонского университета «The Slavonic and East European review» (London, т. 35, № 84, 1956) опубликована статья Н. Андреева, посвященная вопросу о том, кто автор знаменитых скорописных приписок к обоим вариантам последнего тома Лицевого летописного свода, составленного при Иване Грозном.¹

Н. Андреев справедливо подчеркивает, что приписки к Лицевым сводам являются ценнейшим историческим источником, без учета которого невозможно составить верных представлений о целом ряде политических событий царствования Ивана Грозного.² Не соглашаясь с моим утверждением, что автором этих приписок был Иван Грозный, и объявляя вопрос все еще не решенным,³ Н. Андреев и предлагает теперь свой ответ на него.

Н. Андреев, полностью приводя все устанавливаемые мною признаки, свойственные автору приписок,⁴ пишет: «Альшиц ошибся в своем ответе, но его признаки являются основательными; правильный ответ можно найти, обратившись к биографии Висковатого, в той мере, в какой она нам известна».⁵ Вслед за этим Н. Андреев дает пересказ известных данных из биографии дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Биография Висковатого должна, по мнению автора статьи, показать, что Висковатый долго и честно служил Ивану Грозному, что царь ему доверял, что он много знал и что, следовательно, он мог быть автором приписок.

На мой взгляд, такой ход мысли содержит ошибку в самой своей основе. Отыскивая автора через его отношение к царю, никогда не удастся доказать, что Висковатый предан Ивану Грозному больше, чем Иван Грозный самому себе, что царь доверяет себе меньше, чем своему дьяку, что Грозный имел доступ к меньшему числу документов и т. д. Таким образом, какой бы значительной не представлялась Н. Андрееву роль Висковатого при дворе Ивана Грозного, это никак не сможет дать оснований предпочесть его Грозному в качестве автора приписок. Кроме того, подобрать среди деятелей того времени фигуру, так или иначе отвечающую установленным мною признакам автора приписок, еще совершенно недостаточно. Назвав в качестве такой подходящей фигуры Ивана Грозного, я только начинаю исследование и специально подчеркиваю: «Выше-

¹ N. Andreyev. Interpolations in the 16-th century Muscovite Chronicles. — The Slavonic and East European review, v. XXXV, № 84. London, 1956 (далее: N. Andreyev), стр. 95—115.

² Там же, стр. 95.

³ Там же.

⁴ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени. — ИЗ, № 23, [М.], 1947, стр. 267, 268.

⁵ N. Andreyev, стр. 100.

изложенное еще не доказывает, что царь Иван был автором приписок, однако оно дает основание, чтобы такое предположение сделать и заняться его проверкой».⁶

Поскольку, однако, в моих статьях, вслед за предположением об авторстве Грозного, приведены многочисленные аргументы в пользу этого,⁷ Н. Андрееву, мне кажется, необходимо было заняться их рассмотрением и, если угодно, опровержением.

Ввиду того что такое рассмотрение в статье Н. Андреева фактически отсутствует, я вынужден прежде всего указать на упущенные им вопросы, без решения которых никакие выводы об авторе приписок невозможны.

*

Н. Андреев подчеркивает, что для решения вопроса о значении приписок как исторических источников необходимо определить время, когда они делались. Несмотря на это, он не уделяет выяснению столь важного обстоятельства ни одной строчки. Едва задав вопрос: «Когда были сделаны приписки?», — Н. Андреев тут же дает на него ответ в виде предположения, которое не может быть принято: «Кажется вероятным, что они были написаны во время, прошедшее между казнью семьи Старицких и опалой Висковатого, т. е. между первым кварталом 1569 и июлем 1570.»⁸ Иначе говоря, в течение примерно одного года.

Такое предположение не может быть принято уже потому, что приписки делались в два приема. Первый раз они были сделаны на готовых листах Синодального списка; затем эта рукопись вместе со всеми поправками была начисто переписана, а ее миниатюры были перерисованы. Только после этого на новом экземпляре того же текста, т. е. Царственной книги, были сделаны вторично новые приписки и поправки. Эти обстоятельства нам даны. Их нельзя не заметить. Не говоря уже о том, что названная работа была технически невыполнимой за один год, содержание приписок ясно показывает, что между первым и вторым редактированием лежит целый период времени, в течение которого успели переменить взгляды автора приписок на описываемые события и на упоминаемых лиц. При вторичном редактировании, в другое время, автор приписок переделывает рассказы летописи, которые раньше оставил без внимания, зачеркивает свои собственные замечания или в корне меняет их содержание. Имеются многочисленные данные о том, что приписки на Синодальном списке делались до 1564 г., т. е. до бегства Курбского, до опричнины, до получения Грозным письма от Курбского, до написания Степенной книги и т. д. С другой стороны, сама Царственная книга писалась уже с учетом Степенной книги, и приписки к ней являются прямыми ответами на обвинения против Грозного, содержащиеся в письме Курбского, очевидно, что они отражают события времен опричнины.⁹ Дальнейшее исследование подтвердило сделанные ранее выводы новыми данными. Приведу один, наиболее яркий факт. В тексте Синодального списка под 1545 г. сообщалось: «Того же месяца декабря 30 приходил крымской царевич Имин Гирей Калга... со многими людьми крымскими безвестно на украинские места Белевские и Одоевские и по грехом за небрежение поплениша многих людей».¹⁰ Автор приписок, редактируя Синодальный список, оставил это место без всякого внимания, и Царственная книга

⁶ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный... стр. 268.

⁷ N. Andreyev, стр. 96.

⁸ Там же, стр. 113.

⁹ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный... стр. 262—263.

¹⁰ ПСРА, т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 445.

поэтому дословно воспроизвела это известие. При вторичном редактировании текста, т. е. уже Царственной книги, автор приписок зачеркнул конец летописного рассказа, объясняющий поражение общими словами: «по грехом за небрежение». Взамен этих слов он написал имена виновников поражения: «Тогда же быша тамо воеводы князь Петр Щенятев, да князь Константин Шкурлятев, да князь Михаи... Воротынский и разопрешася о местех и того ради не пойдоша помогать тем местом, и того ради татарове попленивше многих людей, отъидоша».¹¹ Выдвинутое здесь обвинение не соответствует и не может соответствовать действительности, так как названные князья в указанное время находились в разных местах и вместе не служили. С другой стороны, все они попали в опалу к моменту редактирования Царственной книги.

Не очевидно ли, что ложное обвинение в поражении 1545 г. не возникло при редактировании Синодального списка, потому что первое редактирование происходило до того, как эти князья вызвали против себя гнев Грозного? Это ложное обвинение возникло только при вторичном редактировании, которое происходило тогда, когда все названные князья оказались уже опальными.¹²

Впрочем, и без этого и других новых примеров налицо достаточное количество данных, позволяющих утверждать, что приписки делались в два приема — в первый раз до 1564 г., второй раз — после этого года, однако не позже 1568 г. В 1568 г. редактирование Царственной книги должно было быть уже закончено, так как царь берет из архива на просмотр следующую за ней часть подготовленного летописного текста.¹³

Как видим, представления Н. Андреева о времени написания приписок противоречат очевидным данным источников.

Все свои суждения Н. Андреев строит исключительно на материале одной только приписки о боярском «мятеже» 1553 г. Остальные приписки оказались вне его рассмотрения. Некоторые из них только названы в перечне событий, о которых мог знать Висковатый.¹⁴ Между тем редактор Лицевых сводов сделал в общей сложности 98 приписок и поправок к тексту. 48 из них имеют чисто редакционный характер, остальные 50 либо исправляют, либо дополняют текст.¹⁵

Мне представляется, что нельзя исследовать вопрос об авторстве древнего писателя иначе, как на основании совокупного изучения всех его произведений, дошедших до нас. В данном случае такой подход особенно необходим, так как все приписки являются частями одной общей работы.

Единственную приписку, которая попала в поле зрения Н. Андреева, — приписку о «мятеже» 1553 г., — он тоже не исследует ни с точки зрения соотношения ее с другими памятниками эпохи, ни с точки зрения судеб

¹¹ Там же.

¹² См.: Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 141—142, прим. 1. — Пользуюсь случаем указать на опечатку, вкравшуюся сюда на стр. 141, где вместо 1553 следует читать 1563.

¹³ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 281, 282, прим. 100—102. — Нельзя принять и аргумент Н. Андреева в пользу написания всех приписок разом после 1568 г., состоящий в том, что до казни Владимира Андреевича о нем не стали бы неуважительно писать, поскольку он был родственником царя. Здесь Н. Андреев опять-таки игнорирует конкретные данные источников и моего исследования, в частности вопрос о судьбе формулы «государев брат» в различных списках Никоновской летописи, писавшихся бесспорно до казни Владимира Андреевича (см.: Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 255—256, прим. 16).

¹⁴ N. Andreyev, стр. 114—115.

¹⁵ Д. Н. Альшиц. Источники и характер..., стр. 143.

фигурирующих в ней исторических лиц (кроме Висковатого), ни с точки зрения проверки достоверности сообщаемых обстоятельств. Вместо этого Н. Андреев подробно пересказывает на 6 печатных страницах ее изданный текст.¹⁶ По ходу этого пересказа Н. Андреев отмечает те места текста, которые, по его мнению, доказывают, что приписка объективно излагает имевшие место события, что ее рассказ написан очевидцем событий и что этим очевидцем и автором приписки является не царь Иван Грозный, а дьяк Иван Михайлович Висковатый.

Переписав рассказ приписки о попе Сильвестре, выступившем, согласно этому рассказу, яростным сторонником Владимира Старицкого, Н. Андреев замечает, что данная здесь характеристика «выражает чувство глубокой личной неприязни против Сильвестра и также частично против митрополита и даже против царя, который дал такую власть Сильвестру». Дальше Н. Андреев поясняет свою мысль: «Трудно представить себе, чтобы сам царь дал бы такое описание Сильвестра, ибо здесь действительно сказано, что Сильвестр обязан был своей властью лишь милости царя. Иван, в своей переписке с Курбским, дает другое толкование роли Сильвестра, называя его „вором власти“... Дословный перевод „взявший от нас великолепие нашей власти“».¹⁷

Отметим, что, обнаружив здесь личную неприязнь автора приписки к царю, Н. Андреев подрывает свой основной довод в пользу авторства Висковатого, исходивший из его безупречной преданности царю.

Но дело не в этом, так как в действительности никакой неприязни к царю в словах о том, что царь сам облек Сильвестра огромной властью, конечно нет. Вопреки утверждению Н. Андреева, в письме к Курбскому Иван Грозный пишет то же самое, что и приписка о начале возвышения Сильвестра именно благодаря «милости царя»: «Посем же, совета ради духовнаго и спасения ради души своея, приях попа Сильвестра... мне видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покоряться без всякого разсужения, и ему совета ради духовнаго, повинухся в колебании, в невидении».¹⁸ Как видим, царь прямо говорит, что он сам возвысил Сильвестра и стал повиноваться ему, согласно требованию божественного писания, «без рассуждения», «в колебании, в невидении».

Таким образом, если утверждение приписки, что царь сам дал власть Сильвестру, выражает личную неприязнь к царю, то надо признать, что в письме к Курбскому Иван Грозный проявляет к себе еще более глубокую личную неприязнь, так как утверждает то же самое в более ярких выражениях. Значит, даже оставаясь при толковании описания Сильвестра в приписке как враждебного царю, которое дает Н. Андреев, мы все равно никуда не уйдем от поразительной идентичности того, что писал автор приписок, с тем, что писал Иван Грозный.

Мне кажется, что по поводу описания Сильвестра в приписке вернее было поставить вопрос иначе: кто, кроме самого царя, мог себе позволить писать в 60-х годах, что царь фактически был отстранен от власти, что его место фактически занял поп Сильвестр и т. п.? Ясно, что так не могли писать про царя, так мог писать только сам царь о себе. А он именно так и писал в письме к Курбскому.¹⁹

¹⁶ N. Andreyev, стр. 106—112.

¹⁷ Там же, стр. 108—109 и прим. 47.

¹⁸ Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 97.

¹⁹ Там же.

Утверждение о том, что Грозный называет Сильвестра в своем письме «вором власти», является недоразумением, основанным, вероятно, на неправильном толковании Н. Андреевым выражения Грозного: «Он же (т. е. Сильвестр, — Д. А.) возхитихся властью, яко же Илии жрец».²⁰ Однако «возхитихся» вовсе не означает «похитил», «украл». «Возхитихся» означает здесь: был опьянен, одурманен, «соблазнился» властью,²¹ был преисполнен восхищения, самолюбования своим величием, неблагодарно забыв, что получил власть из рук царя. Такова мысль Грозного по этому вопросу.

Надо сказать, что обнаружение Н. Андреевым этого мнимого противоречия приписки к Царственной книге и письма Грозного является единственным случаем сопоставления им приписок с письмами Грозного.

Между тем сличение всех политических приписок к летописи с письмами Грозного устанавливает прямое родство этих текстов. Рассказы первого письма Грозного и рассказы приписок к летописи по содержанию совпадают полностью. Изложение часто совпадает дословно, а там, где нет дословного сходства, ясно видна единая авторская манера — одни и те же краски, одни и те же мысли, одни и те же образы, одни и те же выводы.²²

Если учесть несомненную хронологическую последовательность появления изучаемых памятников: приписки к Синодальному списку — письмо Грозного — приписки к Царственной книге, то с установлением родства этих памятников предположение о принадлежности их разным авторам исключается. Из такого предположения вытекало бы, что сначала Иван Грозный, отвечая Курбскому, заимствовал наиболее важные сюжеты и манеру изложения из приписок этого другого автора к Синодальному списку, а зато потом этот другой автор, редактируя Царственную книгу, взял для своих дополнений все то новое, что было в царском письме сверх приписок к Синодальному списку. Иначе говоря, если считать автором приписок Висковатого, то придется допустить, что сначала Грозный списывал у Висковатого а потом Висковатый у Грозного.

Пересказывая приписку под 1553 г., Н. Андреев несколько раз обращает внимание на то, что такое описание событий является достоверным и может быть сделано только их очевидцем. Такая система суждения вообще представляется мне неправильной. Нельзя делать два таких заключения одновременно: 1) рассказ написан очевидцем, поскольку он достоверен; 2) рассказ достоверен, поскольку он написан очевидцем. Рассказ о «мятеже» 1553 г. независимо от того, кто его писал, является недостоверным, так как противоречит всем источникам и объективно засвидетельствованным фактам 1553 и следующих годов. Все эти источники и факты, вплоть до прослеживания судеб всех политических деятелей, фигурирующих во всех приписках обеих редакций, мною собраны и изучены.²³ Поэтому я не могу считать обоснованным, когда Н. Андреев, с высоты простого пересказа всего одной из приписок, пишет по поводу моего специального исследования «Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года»: «Главная слабость концепции Альшица заключается в том, что он обращается к рассматриваемой проблеме довольно поверхностно, не обращая достаточного внимания на особенности приписок, и в частности приписки под 1553 г.».²⁴

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 307 (перевод Я. С. Лурье).

²² Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 268—276.

²³ Д. Н. Альшиц. 1) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. — ИЗ, т. 25. [М.], 1948, стр. 265—292; 2) Источники и характер..., стр. 119—146.

²⁴ N. Andreyev, стр. 98.

Я был бы весьма благодарен, если бы Н. Андреев, проверив один за другим мои аргументы в пользу недостоверности приписки под 1553 г., конкретно указал мне на ошибочность того или иного из них. Но этого пока не сделано, и поэтому Н. Андреев вынужден оперировать такими категориями, как правдоподобие: «Этот рассказ о взаимоотношениях между персонажами драмы звучит весьма правдоподобно».²⁵ Мне кажется, что правдоподобие никогда не является антиподом выдумки, так как выдумка, если она не хочет быть простой нелепостью, стремится к правдоподобию. И надо думать, что автор XVI в., кем бы он ни был, хорошо понимал, что по отношению к известным ему обстоятельствам является правдоподобным, а что нет. В решении вопроса о достоверности или недостоверности источника, в том числе приписки о «мятеже» 1553 г., лучше опереться не на впечатления о правдоподобности или неправдоподобности, а на объективные данные. Так, в частности, нельзя обойти то обстоятельство, что рассказ о «мятеже» во время болезни царя в 1553 г. стоит в резком противоречии с рассказом того же автора, но написанным на несколько лет ранее, о тайном заговоре во время царской болезни. Согласно этому первому рассказу, во время болезни царя, в марте 1553 г., имел место тайный заговор. Выздоровление царя сорвало планы заговорщиков, рассчитывавших на его смерть, и они решили «то дело укрыт».²⁶ Тут же приведен список приближенных царя, пытавших и судивших главу тайного заговора — князя Семена Лобанова-Ростовского и впервые через год после болезни царя узнавших от него о заговоре: князь Иван Федорович Мстиславский, Иван Васильевич Шереметьев (Большой), князь Дмитрий Иванович Курлятев, Михаил Иванович Морозов, князь Дмитрий Федорович Палецкий, окольничий Алексей Федорович Адашев, постельничий Игнатий Вешняков, Даниил Романович Юрьев, казначей Никита Фуников и дьяк Иван Михайлович Висковатый.²⁷

Согласно рассказу, написанному тем же автором через несколько лет, при редактировании Царственной книги, все происходило совершенно иначе: во время болезни царя в 1553 г. имел место открытый «мятеж», открытое столкновение двух партий, в котором участвовали все разом — и те, кто, по первому рассказу, были тайными заговорщиками, и те, кто через год их разоблачил и судил.²⁸ При этом такие приближенные царя, как князь Дмитрий Иванович Курлятев, казначей Никита Фуников, князь Дмитрий Федорович Палецкий, являвшиеся, согласно первому рассказу, судьями заговорщиков 1553 г., теперь оказались сами еще более яркими, открытыми мятежниками.

Н. Андрееву следовало, по крайней мере, решить вопрос о Висковатом, которого он считает автором приписок, — что же правда: то ли, что Висковатый в 1554 г. узнал о тайном заговоре 1553 г., или то, что он уже в 1553 г. был в гуще открытой борьбы? Исследователь может предпочесть в качестве достоверного любой из этих рассказов, соответственно обосновав свою точку зрения. Но облегчать свою задачу путем простого отбрасывания одного из противоречащих друг другу источников, мне кажется, не следовало бы, особенно после того, как на это противоречие специально указано в предшествующей литературе.²⁹

²⁵ Там же, стр. 109.

²⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 238.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, ч. 2, стр. 522—526.

²⁹ Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности..., стр. 273—283

Рассмотрим теперь конкретные соображения Н. Андреева о том, что автором приписок является Иван Михайлович Висковатый, а не Иван Грозный.

Закончив пересказ приписки о «мятеже» 1553 г., Н. Андреев пишет: «В этой приписке дьяк Висковатый упоминается семь раз и действительно играет роль героя. Ясно, что приписка была либо составлена и основана на его рассказе, либо написана им лично».³⁰

Допустим, что приписка совершенно точно передает события. Тогда, значит, дьяк Иван Михайлович Висковатый в действительности действовал именно так активно и героически. Но тогда автором рассказа вовсе не должен быть сам Висковатый, именно то же самое должен был написать о нем любой очевидец этих событий, придерживающийся истины. Так, в частности, если Висковатый выступал 7 раз, этот очевидец должен был 7 раз его и упомянуть в своем рассказе.

Отыскивая автора по принципу: о ком больше всего говорится в рассказе, тот и автор, обязательно приходится встать на путь признания необъективности этого автора в свою пользу. С другой стороны, исходя из необъективности автора в свою пользу (а следовательно, и в пользу своей позиции, своих сторонников и т. д.), нельзя тут же отыскивать его как очевидца, исходя из достоверности того, что им написано. К тому же если идти путем статистического подсчета — кто большее число раз упомянут в приписке, — то Висковатый упомянут в приписке 7 раз, а Иван Грозный упомянут в ней не менее 70 раз, и Н. Андрееву не следовало бы отказывать ему в авторстве. Статистика, если заняться ею на основании всех приписок, а не только одной о 1553 г., покажет, что Висковатый фигурирует всего в двух элизодах. С другой стороны, можно насчитать немало различных деятелей того времени, которые упоминаются в приписках чаще, чем Висковатый, и, таким образом, число возможных авторов приписок можно значительно увеличить.

Стараясь отвести Грозного и утвердить Висковатого в качестве автора приписок, Н. Андреев пересказывает три выступления царя, с которыми Грозный, согласно приписке, обращался к боярам. Пересказав обращение царя к своим родственникам Захарьиным («А вы Захарьины чего испужались...» и т. д.), Н. Андреев пишет: «Здесь мы снова находим наиболее интересные детали, несомненно данные очевидцем всех этих событий, ибо только очевидец мог оттенить трусость Захарьиных перед лицом боярской оппозиции. Но твердость царя испугала бояр, и они пошли в переднюю избу принимать присягу».³¹

Данное заявление об очевидце событий Н. Андреев ставит в ряд доказательств того, что приписки написаны Висковатым, являвшимся очевидцем этих событий, а не царем. Значит, Н. Андреев хочет подчеркнуть, что Висковатый был очевидцем царского выступления. Можно допустить, что если такое выступление царя имело место, то Висковатый был его очевидцем. Но из этого совсем не следует, что сам царь не был очевидцем своего собственного выступления. Между тем, следуя задаче доказать, что автор приписок не Грозный, а Висковатый, Н. Андреев, теперь уже вопреки рассказу приписки, старается создать именно такое впечатление, будто бы Грозный не был очевидцем событий. Вслед за пересказом описания очередного, уже четвертого выступления царя и происходивших вокруг него споров Н. Андреев пишет: «Ясно, что здесь работа очевидца, но не царя, который был очень болен».³² Вот и полу-

³⁰ N. Andreyev, стр. 112.

³¹ Там же, стр. 110, 111

³² Там же, стр. 111.

чается, что царь не был очевидцем происходивших при его участии событий, которые главным образом и состояли из его личных выступлений и споров перед ним бояр.

В статье Н. Андреева есть заключения, которые являются результатом явного недоразумения. Н. Андреев утверждает, что я считаю единственным аргументом в пользу авторства Висковатого тот факт, что он стоял во главе Посольского приказа и возглавлял архив.³³ Это ошибка. Я считаю, что аргументов в пользу авторства Висковатого не существует вообще, и объясняю, почему тот факт, что он стоял во главе Посольского приказа и архива, лишний раз исключает такое предположение.³⁴

Н. Андреев приписывает мне утверждение, которого я не делал: «Не смотря на странное замечание Альшица в „Происхождение и особенности...“ (Исторические записки, 25, стр. 274 и сл.), болезнь царя упоминается и в оригинальном тексте Царственной книги и в собственном письме Ивана IV Курбскому».³⁵ Ни на указанных страницах, ни в других местах этой статьи у меня не отрицается факт болезни Грозного в 1553 г. На указанных Н. Андреевым страницах моей статьи, где я, по его словам, отрицаю факт болезни царя, этот факт не только неоднократно упоминается мною, но, более того, описание болезни полностью цитируется именно по Царственной книге.³⁶

Н. Андреев считает, что царь не мог быть автором приписок, между прочим потому, что «не имел обыкновения заниматься лично такими ничтожными делами».³⁷ Я полагаю, что Грозный очень серьезно смотрел на значение летописной истории своего царствования. Он ее читал и исправлял в нужном ему духе. В процессе чтения он делал как большие, так и маленькие замечания, и нам не известны никакие данные, которые могли бы помешать такому заключению. То, что Иван Грозный не ошибался, придавая столь большое значение редактированию летописной истории своего царствования, подтверждено дальнейшей судьбой этой его работы и, в частности, тем, что она много веков спустя является предметом изучения и полемики ученых различных стран.³⁸

*

Вышеизложенное, мне кажется, свидетельствует о том, что выводы Н. Андреева строятся без учета важнейших данных источников и без необходимой конкретной критики предшествующих исследований. В силу этого некоторые замечания Н. Андреева, которые несомненно показались бы излишне резкими даже в составе тщательного и обоснованного исследования, звучат в данном случае особенно некорректно: «Пытаюсь доказать авторство царя, Альшиц сам сбился с пути своей теорией и не сумел различить наиболее вероятного автора приписок»;³⁹ «странное замечание Альшица»⁴⁰ (как указано выше — эти слова вызваны собственным недосмот-

³³ Там же, стр. 99.

³⁴ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 287, прим. 111.

³⁵ N. Andreyev, стр. 107, прим. 45.

³⁶ Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности..., стр. 274, 275.

³⁷ Там же, стр. 113.

³⁸ По вопросу о том, кто был автором приписок, в моей статье «Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования», которая еще не могла быть известна Н. Андрееву, приведены дополнительные данные. Там, в частности, впервые опубликован подлинник собственноручной предсмертной грамоты Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (текст и фотокопия), обнаруженной мною в собрании грамот ПИБ. Почерк этой грамоты сходен с почерком автора приписок (см.: Д. Н. Альшиц. Источники и характер..., стр. 119—146).

³⁹ N. Andreyev, стр. 98—99.

⁴⁰ Там же, стр. 106, прим. 45

ром Н. Андреева); «Альшиц... обращается к данной проблеме... довольно поверхностно»⁴¹ и т. д.

Не стоило бы говорить об этих замечаниях, тем более что неосновательность их рассматривалась выше, если бы они касались только меня. Дело, однако, в том, что в такой же манере — резкого и, как правило, не подкрепленного аргументацией осуждения — Н. Андреев говорит обо всех советских историках, занимавшихся эпохой Ивана Грозного: «Мнение И. И. Смирнова, что хотя Алексей Адашев и присягал на верность царевичу Дмитрию, он был одним из приверженцев Владимира Андреевича, не выдерживает критики и противоречит документам той эпохи»;⁴² «Примером излишнего фантазирования является попытка С. В. Бахрушина... изобразить „Избранную раду“ как административный орган Московского государства»;⁴³ «Мнение Лурье о том, что письма Курбского, посланные в Россию... являются частью пропагандистской кампании, которую вел Курбский... является нелепым и необоснованным и идет более от идей 20 века, нежели XVI века».⁴⁴

Такая склонность к категорическим, но не всегда обоснованным суждениям несомненно снижает ценность исследований Н. Андреева. Это тем более досадно, что самый факт обращения английского исследователя к вопросу о приписках к Лицевым сводам XVI в. можно было бы только приветствовать.

⁴¹ Там же, стр. 98.

⁴² N. Andreyev, Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, v. XXXIII, № 81. London, стр. 420, прим. 40.

⁴³ Там же, стр. 422 и прим. 46.

⁴⁴ Там же, стр. 417.